

Сегодняшним пунктом назначения был Павильон Опьяняющих Цветов.

Императорский дворец династии Великая Лян занимал огромную площадь и делился на внутренние и внешние покои. Всюду сияло золото и нефрит: во внутренних покоях жили Император, его наложницы и принцы, а во внешних располагались государственные учреждения, где Император и его приближенные занимались решением придворных дел. Там находились Зал Цзиньлуань, три канцелярии, шесть министерств, цензорат и Управление Дали.

Павильон Опьяняющих Цветов, предназначенный для размещения столичных чиновников и прибывающих послов, располагался на самой окраине внешних покоев, вплотную к Озеру Тайе. Изящные строения скрывались в тени густых сосен и кипарисов. В обычное время, помимо усиленной охраны, здесь всегда дежурили ответственные лица из Министерства ритуалов, следившие за приходом и уходом посетителей.

Из-за совершенного здесь убийства Павильон Опьяняющих Цветов еще со вчерашнего дня был полностью пуст. Чиновники из Управления Дали оцепили здание, даже послов временно переселили в другое место. По дороге сюда царил мертвая тишина: кроме стрекота насекомых, криков птиц и тихого журчания воды, не было слышно ни звука, не видно ни души.

Е Чжуан и Су Чанъин вошли в главный зал. Не успели они присесть, как снаружи вприпрыжку вбежал ответственный чиновник из Министерства ритуалов. Его лицо выражало крайнюю растерянность, а сам он, дрожа всем телом, склонился перед Е Чжуаном:

— Ваш покорный слуга приветствует Ванъе.

Этого чиновника звали господин Гао. Ему было лет сорок-пятьдесят, его волосы и борода уже поседели, а на старческом лице залегли глубокие морщины. В мутноватых глазах читалась вялость, и во всем его облике сквозила угасающая жизненная сила. Даже двигался он крайне медленно: пока он кланялся, прошла целая вечность.

Су Чанъин, сидевший рядом с Е Чжуаном, поймал себя на мысли, что этот человек напоминает ему медлительную старую черепаху.

Е Чжуан махнул рукой с безразличным видом:

— Оставь формальности. Подай список всех, кто входил и выходил из Павильона Опьяняющих Цветов в вечер банкета.

Господин Гао, очевидно, подготовился заранее: услышав приказ, он поспешно велел подать книгу записей. Список был толщиной почти в палец, испещренный аккуратными чернильными строчками с именами — нетрудно было догадаться, насколько оживленным было движение в тот вечер.

Е Чжуан взял список и внимательно просмотрел его. Неизвестно, что именно он там вычитал, но его красивые брови постепенно сошлись к переносице, образовав глубокую складку. Спусти

некоторое время он поднял голову и впился в господина Гао таким пронзительным взглядом, словно хотел видеть его насквозь.

— Почему записи о посещениях императорских лекарей обрываются на четвертой страже часа Сюй? — холодно спросил он.

Банкет в тот вечер затянулся почти до самого конца часа Хай, поэтому прекращение записей лекарей на часе Сюй было явно преждевременным.

Господин Гао отер холодный пот со лба и с кривой усмешкой ответил:

— Осмелюсь доложить Ванъе: дело не в том, что ваш покорный слуга не хотел записывать. Лекари ходили туда-сюда беспрестанно. Господа чиновники захмелели, и у многих случилось недомогание. Стоило кому-то пожаловаться, как тотчас посылали евнухов за лекарем. Бывало, лекарь едва успевал вернуться в свою палату и присесть, как его снова вызывали. В такой суматохе записи просто перестали вестись.

— Безобразия! — рявкнул Е Чжуан, помрачнев лицом. — Ночевка в Императорском дворце — дело серьезной важности. Не говоря уже о господах чиновниках, здесь останавливалось немало иностранных послов. Движение людей должно контролироваться строго, как можно было пустить всё на самотек из-за какой-то суеты!

Господин Гао задрожал от страха, с глухим стуком опустился на колени и, не переставая бить челом, начал молить о пощаде:

— Это вина вашего покорного слуги, Ванъе, прошу прощения! Ванъе, сжальтесь...

Жалкое зрелище: бедный господин Гао был так напуган, что по его лицу текли слезы и сопли. Казалось, если Е Чжуан прикрикнет еще раз, старик прямо здесь испустит дух.

Е Чжуан, сидя во главе стола с мрачным видом, молчал. Даже для такого вспыльчивого человека, как Е Чжуан, подобная покорность и трусость старика оказались неразрешимой проблемой. Посмотрев на него еще какое-то время, Е Чжуан с шумом выдохнул, махнул рукой и сказал:

— Довольно. Винить в этом стоит скорее министра Вэй. Ты уже стар, такая работа тебе не под силу. Следовало прислать кого-то поумнее. Вставай.

Сказано это было без всякой учтивости, но господин Гао не посмел возразить. Напротив, он рассыпался в благодарностях, с трудом опираясь на конечности, чтобы подняться с пола.

Он снова долго копошился, поднимаясь, и Су Чанъин опять невольно подумал о перевернувшейся на спину черепахе, едва сдерживаясь, чтобы не скривиться.

Желая отвлечься от подобных мыслей, Су Чанъин поспешно переключил внимание и спросил

сидевшего рядом Е Чжуана:

— Ванъе, что не так с этим списком? Ваш покорный слуга помнит, как во время утреннего доклада канцлер Вэй говорил, что министр Вэй, когда отдыхал в Павильоне Опьяняющих Цветов, не вызывал императорских лекарей, а просто принял лекарство и уснул. Они не имели никаких контактов.

Су Чанъин озвучил свое недоумение.

Е Чжуан, склонившись над списком, половину лица прятал в тени, и выражение его было нечитаемым. Услышав вопрос, он поднял голову, приподнял бровь и спросил:

— А кто сказал, что я пришел расследовать дело?

Су Чанъин замер.

Если не ради расследования, то зачем тогда... Пойдите! Неужели...

Су Чанъина охватил ужас, он широко распахнул свои персиковые глаза, уставившись на Е Чжуана, а в глубине его взгляда промелькнул испуг.

Е Чжуан не заметил перемены в его лице. Он сам поднялся, взял с края стола кисть, тушь, бумагу и чернильницу, после чего вернулся на свое место. Его тонкие пальцы сжали кисть с ворсом фиолетового кролика, и он начал выводить на чистом листе бумаги имена:

Сюэ Гуи, Сун Цин, Бай Цыдао, Линь Чжаогуан, Лин Уфан, Су Чанъин.

На бумаге значились имена тех самых императорских лекарей, которые фигурировали в списке.

Су Чанъин во все глаза наблюдал за тем, как он выводит буквы. Его тело напряглось, и когда была поставлена последняя точка в иероглифе «Ин», сердце подскочило к самому горлу. Он так нервничал, что дыхание перехватило.

Е Чжуан слегка усмехнулся, и в его голосе зазвучала ленивая нотка:

— Я ведь говорил: раз он не хочет открыться, мне придется найти его самому.

Су Чанъин: «...»

Он оказался прав!

Е Чжуан действительно пришел сюда, чтобы искать его!

— Кстати говоря, имя императорского лекаря Су тоже в списке, — внезапно проговорил Е Чжуан.

Случившееся в тот день было слишком нелепым. Е Чжуан был уверен лишь в одном: этот человек молод, обладает выдающейся внешностью и, скорее всего, является отпрыском знатного рода.

Су Чаньину еще не исполнилось и двадцати, его красота была безупречной, а если взглянуть на всех юных дворян Столицы, то он определенно выделялся среди них своей исключительностью. Что касается нрава, то за день общения он показал себя человеком благородным, словно нефрит, не горделивым и не тщеславным. Даже сам Е Чжуан, привыкший смотреть на всех свысока, не смог найти в нем ни единого изъяна.

К тому же, если память не подводила Е Чжуана, Су Чаньин был единственным сыном Ректора Гоцзыцзяня — выходцем из самой настоящей семьи ученых, честного и благородного рода.

При мысли об этом взгляд Е Чжуана, направленный на Су Чаньина, начал приобретать иной оттенок.

<http://bllate.org/book/27163/3286021>